

В. С. ПИКУЛЬ

<«Скоро он взлетит высоко!»>

Совсем неожиданно Артеньева вызвал в штаб дивизии каперанг Колчак, и встреча с ним не сулила ничего доброго. Колчак, сам в прошлом командир миноносца, заметно выделялся среди флаг-офицеров. Слова его, сказанные даже вполголоса, выслушивались всегда с приличным вниманием (особенно в штабе Эссена). Полярный исследователь и гидрограф, ученик барона Толля и Фритьофа Нансена, Колчак для многих в ту пору оставался еще неясен как человек. О его политических взглядах никому не было известно. Неулыбчивый, с острым взором степного беркута, всегда в перчатках — узких, как тиски для пыток, Колчак казался нелюдим, чем-то внутренне огорчен и озадачен. Но близкие ему люди знали, что за этим флаг-офицером Эссена таится грозная, опасная сила — сила ума, злости, смелости, напористости. И сейчас было неясно, куда и в какую сторону будет повернута эта сила. Во всяком случае, по слухам флотских, следовало ожидать быстрого взлета Колчака...

Он встретил Артеньева расспросами об измене фон Дена¹.

— Вам пришлют нового командира — Гаральда Карловича фон Грапфа²... Почему вы никак не реагируете на это?

Артеньев в некотором замешательстве отвечал «флажку»:

— Видите ли, Александр Васильевич, это опять... фон! А в нижних палубах обстановка накаляется. Матросы подозревают.

Колчак сказал на это сквозь стиснутые зубы:

— Да. Извещен. Предостаточно. На Минной дивизии вдруг стало беспокойно... Случайно вы не знакомы с командиром «Сильного», кавторангом Эрихом Бруновичем Фитингофом³?

— Слабо.

— Слышали, что с ним случилась некрасивая история? При встрече с германскими эсминцами он под обстрелом стал реверсировать машиной, отрабатывая с полного вперед на полный задний. Он мог бы и не делать этого, смело вступая в дуэль, но... Бог ему судья! Однако

команда решила, что барон Фитингоф, симпатизируя германцам, сознательно изнашивает машины на быстрых реверсах, чтобы «Сильный» поставил на капремонт. И вот вам результат — бунт!

Артеньев слегка улыбнулся, что не скрылось от Колчака.

— Веселого тут ничего нет, — заметил он строго.

— Извините, Александр Васильевич. Но мой покойный командир был женат на баронессе Фитингоф. Сейчас вы поведали мне о Фитингофе, командире «Сильного», и я вспомнил, что старшим офицером на новейшем линкоре «Гангут» — тоже барон Фитингоф... Не слишком ли много этих Фитингофов на Балтийском флоте?

Колчак ответил — в раздражении:

— Топить их нам, что ли? Впрочем, эти бароны здесь ни при чем: просто матросам нужен повод для выступлений политических. Вот и хватаются они — то за гречневую кашу без масла, то за наших баронов! Присмотритесь внимательней к каждому такому бунту против засилия немчуры на флоте — и вы отчетливо разглядите в них явную большевистскую подоплеку.

— Я не политик, — сказал на это Артеньев. — Но, как я слышал от людей сведущих, большевики вообще против этой войны, которую они называют «империалистической».

— Верно. И они проводят свою политику хитро. Матросы-большевики воюют как раз хорошо. Они, как правило, на отличном счету у начальства. В каком-нибудь георгиевском кавалере, который «ест» вас глазами, трудно разгадать замаскированного ленинца. — Колчак поморщился, и при этом все лицо его, жесткое и энергичное, пришло в движение. — Да и что делать противнику войны, — спросил он с ухмылкой, — если на него насаждают германские «байерны»? Остается одно — драться! И он дерется. Хорошо дерется...

<...>

— Лейтенант Артеньев, — раздался голос, — идите к нам...

Каперанг Колчак, стоя в дверях, приглашал его в свое купе. Сергей Николаевич втиснулся в узкое помещение, где кроме Колчака сидели еще два представителя флотской элиты — контр-адмирал Бахирев⁴ и флаг-капитан князь Черкасский. В проходе стояли два громадных кофра, и Колчак пихнул их ногой:

— Вот единственное, что мне удалось спасти из своей квартиры. Столько лет служил, обзаводился — и все пошло прахом... Хорошо, что успел заранее вывезти из Либавы жену с сыном! Садитесь.

Артеньев в этой компании чувствовал себя несколько скованно. И не только потому, что между плавсоставом флота и «флажками» всегда существовал некоторый антагонизм. Даже если отбросить это чувство традиционной неприязни, то все равно — Артеньев был

ничто по сравнению с этими людьми, стоящими у пульта управления Балтийским флотом. Именно они, самоуверенные и настойчивые, планируют операции, посылая на смерть корабли и команды... И потому Артедьев решил помалкивать.

Страшным ревом паровоз покрывал крики отчаяния...

— Миша, — сказал Колчак князю Черкасскому, — доставай коньяк. Кто тут самый молодой из нас, чтобы открыть бутылки?

Артедьев извинился, что хотя и моложе всех здесь присутствующих, но открывать не может — ключица еще не зажала, каждое движение причиняет острую боль. Адмирал Бахирев, весь в молчаливой суровости, раскатал бутылку по полу, треснул ее дном по столу, и пробка вылетела, а коньяк зашипел, как шампанское.

— Наливайте, — сказал Бахирев, поворачиваясь к Артедьеву. — Ну, как вам нравится наше спасение примитивным бегством?

— Унизительно!

— Это верно, — согласился Колчак, раздергивая пуговицы на своем мундире. — Мы, русские, бегать от врага не приучены. Скажу больше: теперь, вслед за падением Либавы, можно ожидать и сдачи Виндавы... Две базы подряд! Кто бы мог подумать?

— А кто виноват? — тихо спросил Артедьев.

— Не я, не вы, — резко отвечал князь Черкасский. — Виноваты выше нас... мерзззавцы! Россия настолько великая страна, что судьбу ее нельзя доверять бездарностям. Между нами, лейтенант, император у нас полный невежда. Это глубоко между нами. Россию могут спасти лишь бурные катаклизмы реформ.

— А я не против царя, — произнес Бахирев. — Но ему не хватает умного окружения. Кого он там слушает? Своего флаг-капитана Костю Нилова⁵, который с утра до вечера не просыхает от выпивки?

— Дело не во флотском командовании, — отвечал Черкасский в раздражении. — Дело в управлении всем русским государством.

А за окном пролетала курляндская ночь, вдруг ставшая враждебной. Снопы искр из паровозной трубы отбрасывало назад горстями, иногда они прилипали к оконным стеклам. Колчак глушил коньяк на британский манер — не пьянел, только бледнее становилось его лицо, кстати, отлично выбритое даже в панике эвакуации. Пробор на его голове был и сейчас идеален, как у лондонского клерка, дорожающего своей службой. Он пытался увести разговор от вопросов политики — переставить его на рельсы стратегии. Но за его оперативными рассуждениями, продуманными и обоснованными, лейтенант Артедьев невольно разгадал и угрозу изменений в политике.

— А дальше что? — спрашивал Колчак. — Дальше будут у нас Ирбены, в которые немцы скоро залезут. Мины вряд ли удержат их,

партия траления у Хиппера опытная. Пройди они Ирбены, а там уже и Рига! Из Рижского залива прямой путь — на Моонзунд... Выпьем же, господа, за здоровье нашего адмирала Николая Оттовича фон Эссена, — пока старик у руля, флот еще себя покажет!

— Саня, — отвечал ему князь Черкасский, — все это так, но ты стрелял не с того борта... Каковы бы ни были у нас флотоводцы, но спасти Россию они не могут. Нужны люди, страдающие за всю Россию, люди, ищущие путей к повороту.

— Брось, князинька! — рассердился Бахирев. — Да и где ты собираешься искать этих людишек?

— Только не в Зимнем дворце, — ответил Черкасский. — Их следует искать в Таврическом дворце... Да. Да! И они сыщутся. Такие, как Гучков. Такие, как Милюков. Наконец, даже думский хулиган Пуришкевич⁶ — он тоже понимает, что так жить дальше нельзя!

— Надо спасти монархию, — сказал Бахирев, сопя.

— Надо спасти Россию, — сказал князь Черкасский.

— И то, и другое, — добавил Колчак. — А вы, лейтенант, чего не пьете? Или у вас какая-то иная точка зрения?

— Нет. Я просто устал. Извините, господа.

— Вы знаете, где сейчас ваш «Новик»?

— Наверняка проходит сейчас траверз Цереля.

— Верно. Утром он будет стоять уже в Больдер-Аа... Если устали, можете прилечь. Мы еще посидим, Рига не скоро...

Артеньев лег на полку, попутчики его перешли на шепот, словно заговорщики. До Сергея Николаевича иногда долетали их слова: «царь... дураки... флот... Эссен... Гучков... Распутин!»...

<...>

Перед смертью Эссен настойчиво заговорил о своем преемнике, при этом он стал сильно волноваться:

— Никого, кроме Колчака... только Колчака можно ставить над флотом! Радируйте в Ставку: пусть срочно дают ему чин контр-адмирала и ставят на мое место... Он справится, я верю!

Император не решился поставить Колчака над флотом.

— Он же молод, ему всего сорок, — сказал Николай II, — а есть на флоте люди с большим цензом, для которых подобное назначение покажется обидным... даже оскорбительным, господа!..

Чтобы сдать адмирала в хороший госпиталь, «Новик» зашел в Ригу, зашвартовался прямо к набережной. Здесь уже поджидал их штабной автомобиль марки «Рено», в котором сидел Колчак.

Когда мимо него проносили Трухачева⁷, Колчак взмахом руки задержал санитаров с носилками. Нагнулся и поцеловал начдива:

— Павел Львович, желаю скорей поправиться.

— Минная дивизия... моя дивизия... кому достанется?

— Минную дивизию от вас принимаю я!

Новый начдив за боевые действия у Кеммерна заработал вскоре Георгиевский крест. Вокруг имени Колчака газеты подняли шумиху.

Россия начинала свое знакомство с Колчаком.

Пока что — как с джентльменом, как с кавалером.

Колчак еще не раскрылся...

<...>

Колчак рвался к славе — широкой, всеобъемлющей, всероссийской... Начдив даже похудел, сделался сух и костист, как марафонский бегун, летал с эсминца на эсминец, всюду резкий, нервный и требовательный. Колчак двигался стремительно, словно разрубая перед собой ветер длинным и плоским колуном своего носа. Белая лайка его перчаток позеленела, истертая медью траповых поручней. Мерлушка походной шапки — седая от соли, а каблуки на сапогах, никогда не просыхающих от воды, разбились вдрызг, скособолены, словно Колчак служил курьером на побегушках.

Минная дивизия творила чудеса, и этим укреплялась популярность Колчака, особенно среди офицерства и буржуазии. На флоте еще не догадывались, что Колчака выдвигает не только пресса столичных газет. Сейчас им управляла сильная рука из кулуаров Государственной думы⁸. Давняя дружба начдива с Гучковым никому не бросалась в глаза, но эта связь издавна существовала, и Колчак сам понимал, что его взлет состоится... Скоро он взлетит высоко!

